

Когда ты нужен

(Продолжение. Начало в № 2-2004)

В рядах пролетариата

Среди обшарпанных домиков торчала башня непонятного назначения. Я понятия не имел, что это и есть завод "Металлист". В отделе кадров получил направление в литейный цех.

Литейный цех сначала мне не понравился. Огромное помещение с воротами в торцах и печью-вагранкой посередине, солнечный свет едва пробивается сквозь закопченные стекла, в полутьме рабочие возятся в земле, расхаживают чумазые мальчишки моего возраста, пахнет чем-то кислым. Шум, грохот, люди не слышат друг друга и вынуждены кричать.

Не помню, кто давал мне первые уроки формовочного дела. На первый взгляд, оно несложно: с помощью деревянной модели нужно создать в земле пустоту, которую заполнит расплавленный металл. После того как металл остынет, отливку извлекут из земли и отправят для обработки на станках в механический цех. Но чтобы это получилось, нужно крепко потрудиться. За смену несколько формовщиков устилают пол огромного цеха длинными рядами форм, готовых принять металл. Смотришь на этот частокот и думаешь: сколько же потрачено сил, чтобы без усталости вращать тяжелые опоки, перемещать и трамбовать горы земли! А впереди — еще более тяжелая работа, загрузка вагранки металлом и коксом, разливание жидкого чугуна по формам...

Я быстро освоил эту профессию,

подружился с ребятами. В заводской столовой кормили сытно и дешево.

С фронтов приходили нерадостные вести, наши войска отступали, госпитали заполнялись ранеными, в Ульяновск хлынул поток эвакуированных. В это напряженное время неожиданно остановилась городская электростанция: вышла из строя гильза, в которой ходил поршень. Новую гильзу решили отлить на нашем "Металлисте". И я услышал фамилию — Лаптев. Это был низкорослый старичок в брезентовой спецовке. Морщинистое лицо с седыми усами, поношенная кепчонка, шаркающая походка. Лаптев занимался формовкой сложных деталей, работал медленно и тщательно, был немногословен и общался только с пожилыми рабочими. Когда выяснилось, что выполнить ответственный заказ поручено ему, я стал приглядываться к нему, следить за действиями старого формовщика.

В цехе вырыли огромную яму. Привезли трехметровой длины модель. Ходивший под потолком на рельсах кран установил ее вертикально в яме. Под руководством Лаптева бригада формовщиков стала засыпать яму землей. Затем краном выдернули модель и установили в центре огромный стержень. Двое суток вагранка беспрерывно плавил металл только для Лаптева. Двое суток разливавшие сновали с ковшами от вагранки к форме, расплавленный

чугун безостановочно низвергался в ненасытное жерло, ослепительное зарево заполнило весь цех. Завораживающее зрелище!

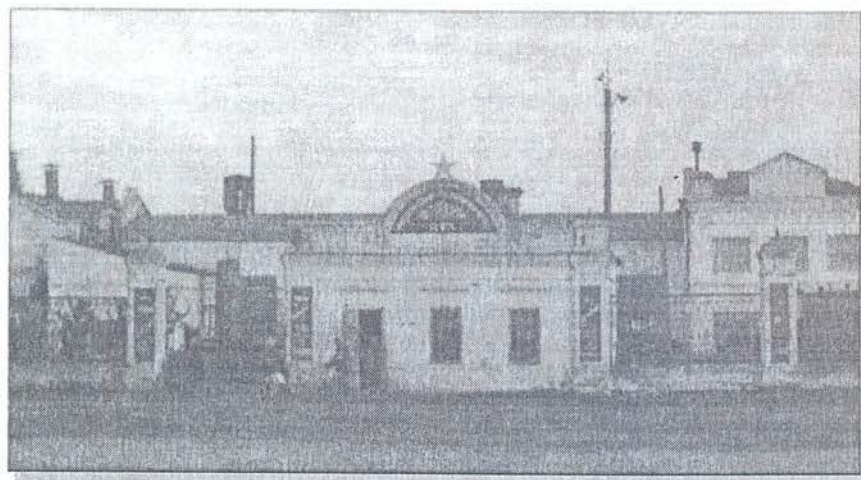
Отливка остывала несколько суток. Потом кран с трудом вытянул ее из земли, и вокруг этой громадины, повисшей на цепях, ходил, шаркая плохо гнущимися ногами, Лаптев, сгорбившийся старичок в брезентовой робе, прострелянной искрами... Когда через несколько дней электростанция заработала и в окна вспыхнул свет, я оценил значимость того, чем занимаюсь, и понял, почему нам, формовщикам и литейщикам, в воюющей стране установили по карточкам самую высокую пайку хлеба — килограмм в день!

...Сегодня моя очередь разливать. Руки крепко держат ручки рогаца, внимание на пределе. Теперь главное — сразу попасть струей из ковша в литейную опоку и не давать ей прерываться, иначе металл схватится раньше, чем полностью заполнит форму. Маленькая бригада действует слаженно, ребята понимают меня с полуслова. Знаем, насколько серьезным делом занимаемся. Опустевшие ковши снова выстраиваются в очередь у желоба. Процедура повторяется... Но вот вагранка опустошена, последние капли медленно стекают по желобу. Все формы залиты. Выключен вентилятор, в цехе наступает непривычная тишина. Над опоками клубится пар, погружая цех в белесый туман. Дело сделано, напряжение спало, опять слышны шутки, смех. Кончился еще один рабочий день. "Скорей домой!"

Мама не спит. Стараюсь улыбнуться как можно радостнее: "Все в порядке". Мама разворачивает одеяло, там в кастрюльке, завернутой в газету, еще теплый ужин. Она пытается расспросить меня, как прошел день, но я уже ничего не соображаю, глаза слипаются, ложка не держится в руке. Едва коснувшись подушки, проваливаюсь в темноту...

Без наказания

Город забит эвакуированными, их расселяют по квартирам, горожанам приходится потесниться. Нашу двухэтажку целиком отдали детскому дому, эвакуированному из Ленинграда. Жильцов расселили в разных местах,

Завод "Металлист"

и у нас теперь другой адрес – пл. Республики, д. 4, кв. 2. Это на Новом Венце, недалеко от краеведческого музея и Дворца книги. Комната оказалась меньше прежней. Вместо сарая для дров мы использовали подпол, куда вел люк, врезанный в пол. В подпол мы с братом затаскивали бревна, ухитрялись в темноте их распиливать и даже колотить на полешки. Неподалеку от дома располагалась зенитная батарея, защищавшая мост через Волгу.

Осенью после простоя литейного цеха из-за отсутствия поставок кокса с Украины объявили аврал. Нас, группу ребят, прикрепили к грузовому автомобилю. Водитель, пригнавший ЗИС-5 из Москвы своим ходом, из всех ребят выделил почему-то меня и вскоре обучил вождению. Мы ездили на станцию, где совковыми лопатами быстро нагружали машину и возвращались на завод. Водитель загонял грузовик на склад и уходил в контору, оставляя ключ в замке зажигания. После разгрузки ребята тоже уходили в контору, а я, гордый оказанным доверием, выводил машину из сарая и лихо подкапывал к заводу. Выходил водитель, садился за руль, я – рядом, грузчики запрыгивали в кузов, и рейс на железнодорожную станцию повторялся. Ребята мне завидовали и злились, поскольку к рулю я их не подпускал.

Но вот случилась беда. Шофер, маневрируя при заезде в сарай, поставил грузовик под разгрузку, оставив свернутыми под крутым углом передние колеса. Я стал выезжать из сарая – машина неожиданно рыскнула в сторону. Растерявшись, я вместо тормоза нажал на педаль газа. Раздался треск, правый борт задел косяк, и я услышал, как что-то рухнуло на землю. Опрометью выскочил из кабины. Картина представилась ужасная: поперечные балки, на которых крепился кузов, сломаны, изуродованный борт валяется на снегу. Побежали за водителем. Я, замерзший от ужаса и стыда, не мог смотреть ему в лицо. Модельщики в мастерской, бросив свои дела, начали срочный ремонт. За несколько часов сменили балки, залатали борт. Бригада снова начала возить кокс, стараясь наверстать упущенное время. Теперь я ездил со всеми в кузове. Ребята не злословили по этому поводу, понимали мое состояние.

Несколько недель я страшно мучился, представляя, как меня будет судить военный трибунал, а прокурор произнесет речь: “Этот сын врага народа злонамеренно совершил диверсию... Этот

А. Троепольский

пособник фашистов заслуживает самого сурового наказания... Требую приговорить его...”. Потом я узнал: водитель, пожалев меня, взял всю вину на себя.

Побег

В конце лета 42-го года заводскую молодежь направили в колхозы и совхозы области, там сложилась тяжелая обстановка с уборкой урожая. Я попал в конезаводское хозяйство и оказался в бригаде единственным представителем мужской части человечества. Девчата расположились в одном пустом амбаре, я – в другом. Натаскал сена, улегся. Проснулся ночью от внезапно возникшего ощущения опасности и какого-то непонятного шума. “Крысы”, – догадался я, и в этот момент хвостатая тварь прыгнула на грудь и вцепилась в губу. Я отшвырнул ее в сторону и с головой укрылся одеялом. Утром, когда умывались у колодца, девчата стали ехидно интересоваться, с кем это я ночью целовался в засос...

На двуколке, влекомой жеребцом неопишущей красоты, прикатил директор конезавода. Оглядев бригаду, спросил, у кого самое высокое образование. Оказалось, у меня: 8 классов. “Будешь учетчиком на току”, – приказал директор. Хлестнул жеребца и укатил. “Вот что значит целоваться с крысами, – ехидничали девчонки, – уже в начальники выбился”.

Работы учетчику хватало. Зерно на ток возили непрерывно, взвешивали и ссыпали под навесы. Я отмечал приход зерна в тетради, выписывал квитанции.

Вступила в свои права осень, похолодало, а мы, городские, все в летнем. Наконец, командировка кончилась, у бригады чемоданное настроение. Я пошел к директору прощаться, понес тетрадь. Начальник обдал ледяным душем:

– Никуда не поедешь. Закончим

уборку, переведем все зерно, сличим с твоими квитанциями и записями. Если обнаружится недостача, вызовем следователя, будем судить по законам военного времени. Все, иди.

– Разрешите хотя бы съездить за теплыми вещами – холода настанут.

– Нет, забирай тетрадь и ступай на рабочее место.

Девчата уехали без меня, помахав платочками из кузова машины. Ночью заснуть не мог, жгла мысль: “Что делать?” Надумал проверить, как охраняется зерно на току.

Шагаю по размокшей тропинке. Небо застилает зловещие тучи, злой ветер пронизывает в легкой курточке насквозь, зуб на зуб не попадает. Вот и ток. У костра сидит, нахохлившись, старичок сторож в драной шубе и шапке-ушанке, безучастно смотрит на огонь. Рядом у ног лежит дрововик. На приветствие отвечает нехотя: старику мое присутствие явно нежелательно. В отблесках костра замечаю под навесом телегу, слышен удаляющийся конский топот.

– Что за люди? – спрашиваю.

– А кто их знает, – равнодушно цедит сторож.

– Так они же воруют!

Старик неопределенно пожимает плечами, не отрывая взгляда от огня.

– Как же так! – голос у меня срысывается. – Вы охранник, у Вас ружье..

– А у них ножи, – он явно удивлен моей наивностью. – Ты бы, паря, видел ихние ножи...

Я возвращаюсь в село, потрясенный увиденным. Если такое происходит каждую ночь... Ясно, что недостачу обнаружат. Значит, меня будут судить. “Граждане судьи! Яблоко от яблони недалеко падает. Преступник – сын врага народа – растранижил зерно... Фронт недополучил...”. Нужно что-то делать. Посоветоваться не с кем, решение должен принять сам.

Лихорадочно собираю вещи в мешок. Оставляю тетрадь на столе, закрываю за собой скрипучую дверь и ухожу. Шагаю, не разбирая дороги, шлепая по лужам.

Натыкаюсь на рельсы, несколько километров преодолеваю по шпалам. Вот он, поворот, где поезда снижают скорость. Догоняю последний вагон товарняка и усаживаюсь на буфер. Сердце гулко стучит в такт колесам, отмечающим стыки.

В городе первым делом спешу в баню. Весь в чистом, как на расстрел, иду на завод. Начальник цеха Николай Иванович Карпеев молча слушает мою исповедь. Долго думает, постукивая пальцами по столу.

- Так, чтобы не привлекли тебя за прогул, немедленно иди в цех.

- Я же в чистом...

- Немедленно в цех, я сказал!

И – совсем тихо, по-отечески добавил: “Иди, иди”. У меня сердце дрогнуло. Понял: тихо произнесенное “иди, иди” – это амнистия!

Каким же родным показался мне цех! Все здесь радостно узнаваемо: и чумазые лица рабочих, и стройные ряды опок, и долговязая фигура вагранщика. Поднимаю брошенные кем-то рваные рукавицы, берусь за ручки рога... Я снова в цехе, среди своих!

Сейчас, когда позади осталась долгая трудовая жизнь, я часто вспоминаю своего первого начальника Николая Ивановича Карпеева. Все в облике этого человека говорило о крепком характере и былой физической силе. Глядя на его мощные руки с лопатообразными ладонями, я мысленно представлял, сколько же эти руки перетаскали железа и перекидали земли – тонны и горы. Литейное дело Карпеев знал досконально и учил нас, молодых, личным примером. Когда обнаруживал брак, не повышал голоса на формовщика, а часто сам, засучив рукава, наглядно показывал, как избежать ошибок.

Молодость, молодость...

В цехе всем дают клички. У меня кличка Москвич. Заработал ее за то, что, во-первых, завидя женщину, несущую что-нибудь тяжелое, бросал работу и помогал ей. Во-вторых, не матерился. В-третьих, не курил. Все почему-то были уверены, что парня с такими странностями могли воспитать только в столице.

Женский состав цеха состоял в основном из молоденьких стерженщиц, которые из песчаной смеси формовали стержни для опок. Постепенно я начал замечать, что некоторые из них проявляют ко мне интерес.

Однажды после смены провожал девушку, назову ее Любю. Жила она неподалеку от моста через Волгу. Решили мы прогуляться и затеяли игру: встали на рельсы и, взявшись за руки и балансируя, стали ходить взад-вперед, стараясь не ступать на шпалы. Стенмело, обьявляя наши становились все жарче... Вдруг со стороны моста из темноты вынырнул военный патруль, осветил нас фонариком, и зычный голос с украинским акцентом приказал сойти с железнодорожного полотна. Увы, желание щегольнуть перед девушкой остроумием и находчивостью затмило здравомыслие, и я, забыв, где нахожусь, дерзко ответил,

коверкая слова на украинский лад. Раздалась команда, винтовки мигом слетели с плеч, дула уперлись в спины и под прицелом повели нас в комендатуру моста, являвшегося особо охраняемым объектом.

Из документов у нас были только пропуска на завод, подлинность которых патрульный поставил под сомнение. Через несколько часов сержант решил отпустить Любу, а мой заводской пропуск оставить в комендатуре, пока я не принесу паспорт и не заплачу денежный штраф. Уже светало. Опоздание на работу в военное время – преступление, за которое карали строго. Без пропуска на завод через проходную не пропустят. Оставалось одно – ноги в руки. Перепрыгивая сразу через несколько ступеней, помчался по лестнице в город. Мама не спала, сидела, закутавшись, над книгой. Подняла встревоженное лицо.

- Потом все расскажу. Давай быстро паспорт и деньги...

Мчусь обратно. Теперь легче – под гору. Терзает мысль: “Сколько времени займет процедура уплаты штрафа? Успею ли на завод?”

Деньги мгновенно исчезли в кармане сержантской шинели. Теперь кросс до завода. В цехе, встретившись взглядами с Любой, мы оба рассмеялись. И чем больше недоумевали окружающие, тем громче мы хохотали. Ах, молодость, молодость...

Опоздание, прогул, позор наказания – в то время это было постоянной угрозой, томившей душу. Однажды добираться до завода пришлось в страшный гололед. Подошвы у кирзовых сапог давно стерлись, по дороге несколько раз падал, пришлось сбавить ход. Понял: опаздываю. И тут подвернулся пустой грузовик. Вот спасение! Как только грузовик притормозил на повороте, я догнал его и вскарабкался через задний борт. Шофер увидел меня через стекло и угрожал кулаком, я виновато развел руками. Грузовик набрал скорость. Вот и завод. Деликатно стучу по кабине, жестами прошу высадить. Шофер, злорадно усмехаясь, еще больше давит на газ. Промелькнула проходная, удаляюсь от завода все дальше. Делать нечего – держась за борт, спускаюсь на дорогу, а грузовик мчится еще быстрее. Положение критическое: если отцеплюсь, упаду на дорогу, могу попасть под встречную машину. Из последних сил карабкаюсь обратно в кузов. Теперь уже не стучу – барабаню по кабине, умоляя остановиться. Водитель неумолим. Тут на мое счастье впереди возникает

мост через овраг, по дну которого проходит железнодорожный путь. Здесь водитель вынужден сбавить скорость. Выпрыгиваю из кузова и мчусь, скользя и задыхаясь, к заводу.

Через окно проходной вижу, что в запертом на замочек табельном шкафчике сиротливо висит на гвоздике мой жетон, а табельница любезничает с вахтером. Опоздал!.. Быстро добегаю до угла, где столовая, перемахиваю через высоченный забор (откуда силы взялись!) и, беспечно насвистывая, вхожу в проходную. Объясняю табельнице, что забыл снять жетон, торопился, дескать, в столовую занять очередь... В цехе ребята спрашивают, чего я так тяжело дышу. А у меня нет сил ответить, кисель-киселем...

Черный день

Ничто не предвещало беды. После обеда получил срочное задание изготовить несколько деталей из алюминия. Перед разливкой металла по формам предстояла операция по его раскислению. Кладовщик налил из таза раствор в жестяную банку. Едва я начал выливать раствор в тигель, раздался оглушительный взрыв, и огненная струя выплеснулась прямо на меня. Вспыхнула шапка, загорелись ватник, брюки, валенки. Но самое страшное – струя плеснула по глазам. Уже ничего не видя, выбежал из цеха, скинул шапку, сбросил валенки, рвал пуговицы, пытаясь избавиться от ватника. На помощь бежали рабочие, я слышал их голоса.

В больнице долго осматривали меня, я ждал приговора, но врач молчал. Когда забинтовывали, он сказал кому-то: “Левый пропал, придется удалять. У правого шансы незначительны”.

Меня привели в палату, уложили на койку. Спать не мог, лежал, не шевелясь, слушал, как ворочаются и похрапывают на соседних койках. Начали зудеть ожоги. Мысли путались...

Итак, случилось чудовищное – я ослеп... Мама, бедная мама, за что ей такое горе! Она всегда боялась, что со мной что-нибудь случится. Скоро ей сообщат о беде, и мама немедленно прибежит сюда. Как вести себя при встрече? Она должна увидеть, что я не пал духом, не сломлен.

Операции следовали одна за другой. Врачи никак не могли остановить сращивание сожженных век левого глаза. Наконец, махнули рукой, решили разрезать веки, удалить глаз и вставить стеклянный протез. Но я отказался: к чему этот обман с протезом?

Врачебная комиссия признала меня инвалидом I группы, нуждающимся в

А. Троепольский с семьей на Венце

постоянном уходе. Настал день прощания с заводом. Борис привел меня в отдел кадров, где я получил трудовую книжку с последней записью: "1944 г. 29.07. Уволен ввиду перехода на инвалидность". Зашли в цех. Ребята обступили, жали руку, желали выздоровления, обещали навещать. Горьким было это прощание. До проходной нас проводил мастер, Григорий Алексеевич Скворцов. Позднее, в течение нескольких лет он присылал к празднику самодельные поздравительные открытки. Теперь они, как и заводской пропуск и фотография, на которой я снят в новой гимнастерке, выданной заводом взамен сгоревшей, хранятся в музее трудовой славы завода "Волжские моторы".

Комиссия, выяснявшая причины взрыва тигеля, пришла к выводу, что виноват кладовщик. Он хранил раствор хлористого цинка в открытой посуде, что запрещалось инструкцией. Таз стоял на подоконнике, туда стекала от оттепели вода с оконной рамы, разбавившая раствор до недопустимой концентрации, что и привело к взрыву.

Потянулись тягостные дни, жизнь превратилась в безрадостное существование. Мама уходила на работу в библиотеку пединститута, Борис шагнул в школу, и я на весь день оставался один. Молодой и здоровый парень, а ни работать, ни учиться не могу.

Преодоление

В Ульяновск с проверкой военного госпиталя прибыло медицинское светило, профессор-офтальмолог. Завод обратился с просьбой осмотреть и проконсультировать меня.

Светило оказалось грузной пожилой женщиной с хриплым голосом. После тщательного осмотра профессор сказала:

- Левый глаз пропал полностью. Но вы — человек еще молодой, организм крепкий. Вполне возможно, какое-то зрение у правого глаза восстановится. Главное — не считайте себя инвалидом. Друзья пойдут в кино — идите с ними. Вы же все слышите и вполне можете представить, что происходит на экране. Друзья пойдут на танцы — идите и вы, танцуйте с девушками. Не замыкайтесь, не хороните себя в четырех стенах, идите к людям.

Так замерцала надежда, появилась цель. В самый нужный момент я получил мудрый совет. Спасибо, профессор! Век Вас не забуду...

Я увлекся спортивной гимнастикой. Борис занимался в секции, которой руководил основатель ульяновской школы гимнастики преподаватель пединститута Владимир Петрович

А. Троепольский с женой

Важневич. Тренер разрешил мне заниматься "внештатно", и мы с братом начали вместе ходить на тренировки. Я не мог вместе со всеми бегать и совершать прыжки, но компенсировал это разучиванием комбинаций на спортивных снарядах и в вольных упражнениях. По мере того, как крепились мышцы, прибавлялась сила, стало возвращаться зрение. Два года усиленных занятий — и настал день, когда я смог прочитать в книге первые буквы. Это была победа, открывшая путь в мир знаний.

Учиться — вот что мне надо теперь. Два раза в неделю хожу в заочную среднюю школу, что рядом с центральным почтамтом. Учусь с наслаждением — дорвался, наконец... Задания на дом перевыполняю принципиально, хочу перерешать все до единой задачи в задачниках по всем предметам. Целыми днями не вылезаю из-за стола. Если устал, делаю стойку на руках и жду, когда кровь прильет к

голове. И снова за стол, задачки решаются, словно орешки щелкаются...

Впервые за всю историю этой школы выпускник получил аттестат зрелости с одними "пятерками", но никто из руководства не знал, имею ли я льготы при поступлении в институт. Пришлось самому написать письмо в Москву на Чистые пруды в Министерство просвещения. Пришел ответ: я имею право поступления без экзаменов в любое высшее учебное заведение Советского Союза.

На семейном совете решаем, куда поступать. В Ульяновске два вуза, но фамилия у нас редкая, отца многие еще помнят, отношение к детям "врага народа" известно, "стукачей" хватают. Значит, надо ехать в другой город. И еще: по сравнению с институтом статус университета выше, поэтому выбираю Казань. Туда и решено направить стопы.

В столице Татарии приемная комиссия, как только предъявил письмо с Чистых Прудов, немедленно зачислила меня студентом историко-филологического факультета с предоставлением стипендии и места в общежитии.

Вернулся из Казани окрыленный. Вышел на пляж, поплавал и разлегся на песочке позагорать. А вокруг парни и девушки лихорадочно листают учебники — готовятся к приемным экзаменам. И никто из этих озабоченных абитуриентов не подозревает, что вот этот одноглазый инвалид — уже студент, причем студент университета! Только тут, на теплом песочке, я почувствовал, какая гора свалилась с плеч.

А. Троепольский с братом